Глава первая

Это только кажется, что большая любовь лишь только в романах и сериалах. Нет, конечно, мы допускаем, что иной раз дарит судьба это чувство таким редким людям, которые могут не только ее почувствовать и осознать, но и даже рассказать о ней. Остальным же, которые попроще, только и остается просто жениться да замуж выходить, а там уж как сложится.

Некоторым женщинам везет. Иная так удачно замуж выйдет, что мужик ее даже не поколачивает, вот она и радуется: любит, дескать, вот уж мне повезло, так повезло! А другие, которым крыть нечем, оправдывают свою семейную жизнь присловьем: бьет – значит любит.

Это все обыденная деревенская жизнь, о которой и рассказывать неинтересно. Ну, поженились, ну живут.

И что?

У всех так.

Какие тут еще романы! Вот, наверно, в городе – это другое дело…

Но порой и в небольшой сибирской деревушке такое случается, после чего долго еще народ охает и диву дается. Понятное дело, народ деревенский, откуда ему знать, что многое подобное уже описано-переписано писателями, сказителями, всякими специальными речистыми людьми.

Конечно, ученый человек в таком выдающемся случае мог бы сказать: чему тут, собственно, удивляться, типичный бродячий сюжет, один из тех, которые, в полном соответствии с теорией, бродят из одной страны в другую, от одного писателя к другому. Литературоведам подобное давно известно. Вот и про нашу историю такой знающий человек мог бы сказать: да это же про Медею, дочь древнего царя, история. Так сильно она приревновала мужика, что и детей не пожалела, угробила, чтобы ему досадить!

Но в нашей-то Степановке ни про какую Медею и слыхом не слыхивали! Здесь, в лучшем случае, какой-нибудь культурный человек, типа учительницы русского языка и литературы, мог бы процитировать русского поэта Николая Алексеевича Некрасова о том, что:

Горе горькое по свету шлялося,
Да на нас невзначай набрело.

Но где ж взять такую образованную учительницу русского языка и литературы, если в этой деревне была только начальная школа, в которой и сам учитель совсем недавно одолел школу-семилетку.

Так что обошлось без большой науки. Сами, без всяких замысловатых теорий, сотворили случай местные

наши люди, а потом всей деревней сами же и ужасались, даже сельчане с самыми замшелыми сердцами были потрясены. Да ничего уже не исправить было.

… Словом, именно в деревне Степановке, расположенной не сильно далеко от нашего райцентра Волково, в котором тоже много что происходило и происходит, да сейчас не об этом речь, жили-были две соседские семьи. В этих семьях родились, росли и выросли дети – хорошие, добрые, красивые, здоровые и толковые.

Отметим попутно, что в наших сибирских деревнях, особенно в прошлые годы, так и было: что ни соседи, то куча детей, все толковые и работящие. Это теперь все по-другому, по-гламурному. Родят одного, да и того в городскую жизнь целят наладить. Такая нынче тенденция.

А нам остается про то, как было, да сплыло, только рассказы читать …

Так вот, в первой семье возрос сын Иван, высокий и русоволосый, широкоплечий и синеглазый. В соседской семье – девчонка Манька подросла, помладше Ивана, но вполне ему под пару: работящая, хваткая, рукодельница и певунья. По дому все умела и все делала, потому что пришлось – мать у нее прибаливала, а батька давным-давно помер от живота.

Какой Манька родилась – такой и выросла. Чернявенькая, быстроглазая, тонкая в талии не по-деревенски, но по-деревенски сильная и выносливая.

Года на их рост и возмужание выдались не сильно ласковые: то гражданская война бродила по таежкам и распадкам, то коллективизация грянула. Но эти социальные катаклизмы слабо отразились на жизни наших героев. Наверно, потому, что в одной семье – девчонкиной – мать-вдова воевала только по домашнему хозяйству, в другой, Ивановой, - батька был человек суровый, сам отродясь не занимавшийся глупостями и своим домашним не советовавший этого делать.

Однажды, правда, коснулась их своим жарким дыханием гражданская война, да и то несколько смехотворно.

Был это незначительный эпизод в истории деревни Степановки, не из тех, о каких впоследствии было принято рассказывать юным пионерам. Но вот удивительное дело, только он достоверно и остался в памяти народной, которая должна бы сохранять различные героические события, а на самом деле крепче всего хранит сущую ерунду. Да так бережно, так красочно хранит, что спустя многие-многие годы встает эта прошлая ерунда перед изумленными взорами потомков буквально как ослепительная птица исторического счастья, глядя на которую остается только вздыхать да завидовать: умели же наши предки, черти полосатые, так интересно жить!..

И это очень хорошо, что сохраняет людская память такие вещи, иначе бы откуда автору данного повествования взять описание той памятной свадьбы, случившейся в Степановке посреди бардака и хаоса гражданской войны, докатившейся до степенной и работящей Сибири из озорницы Москвы, во все времена любившей заварить историческую кашу на всю Россию, а самой увильнуть от ее расхлебывания.

И в ту пору люди, к счастью, понимали: гражданская война – гражданской войной, а обед, то бишь свадьба, - по расписанию. Ни Колчак, с одной стороны, ни бородатые партизаны, с другой, не могли помешать двум любящим сердцам наметить честную свадебку, тем более, что и Масленка уже подкатывала, и наследник был готов вот-вот застучать ножками в невестин живот.

Словом, самое время было для всех – и для молодых, и для их многочисленных родственников, изрядно угоревших в дыму и пламени партизанских стычек, - сделать передышку. Уставшие от боевых действий в непролазных снегах и туманном мареве пятидесятиградусного мороза, от которого едва спасали самодельные печурки в шалашах и землянках, партизаны с облегчением согласились с колчаковцами на свадебное перемирие.

И все было бы хорошо, все бы было, как у людей, если бы жених выбрал свободную девку, а не увел невесту у своего старшего брата – главного партизанского подрывника, буквально самородка в своем деле. Заметив острым глазом, что фигура невесты уже непоправимо испорчена аморальными действия малого, тот не стал домогаться до счастливых личиков новобрачных с серьезным разговором, хотя душа пылала огнем и просила о мести.

- Нехай живут, шут с имя, - скромно сказал брат-подрывник в ответ на слезы матери, - успокойтесь, маманя, не переживайте зазря!

Но руки его, не согласные со смирившейся головой, словно сами по себе нашли в поленнице под навесом подходящее полено и зарядили его черным охотничьим порохом. На третий день, когда гости уже подъели почти весь припас, женихова мать затеяла печь хлеб.

- Лучше бы она этого не делала, - говорили потом в Степановке, - самогонки еще много было, обошлись бы и без закуски…

Рвануло несильно, даже аккуратно: сын-минер свое дело знал на самом деле профессионально и врагом отцу-матери не был. Не пострадали также и дети, как свои, так и многочисленной родни, жившие во все дни свадьбы на широкой печи, откуда праздничное действо смотрелось во всей своей полноте и подробностях.

Кстати, именно так, заметим как бы в скобках, передаются народные традиции от поколения к поколению. Ведь не думаем же мы, что таинство передачи традиций происходит каким-то иным способом. Например, среди бела дня, ни с того ни с сего крестьянин говорит сыну:

- Садись, дитя мое, на лавку, я буду тебе передавать тебе наши свычаи и обычаи.

Отнюдь, друзья мои, говорю я вам с полным знанием деревенского быта – как бывший, но в душе и до сей поры деревенский житель. Взрослым людям просто некогда специально заниматься этим, безусловно, нужным и важным процессом, и поэтому детям приходится самим постигать при всяком удобном случае науку народного житья - от свадьбы до похорон, от рождения и крестин до нового значительного события.

Как увидел с печки какое событие, так и постиг.

Но, опять же как бы в скобках: такое бывало в старые времена. Нынче же про народные обычаи народу рассказывают по телевизору специально для этого дела обученные люди. Другой раз народ так прямо удивляется - кто бы мог подумать, какие, оказывается, у него, народа, обычаи и обряды!.. Не рассказали ли бы, так и не знали. Умные, чертяки, эти люди в телевизоре!

Так вот, взрыв, сотворенный старшим братом жениха, был настолько мирным, что развалилась только печка. И то слегла на пол плавно, можно даже сказать – постепенно. Из запечных жителей не пострадали даже тараканы, не говоря уже о старой бабушке и нашем будущем герое, в ту пору восьмилетнем жигане с крепкими черными – от новых валенок – пятками и выпуклым лбом в пшеничных завитках, про которые матушка ласково говорила: «Теленок нашего Ванятку зализал».

На этом участие Ивановой семьи в гражданской войне и закончилось, хотя на той памятной свадьбе играл на гармошке его отец, еще нестарый мужик местных кровей, то есть белорусско-польский переселенец. Суровый и не особо ласковый с детьми и женой, гармошку он любил нежно и преданно, а в войне не участвовал по причине, которую объяснял так: «Сильно работы много». Вот если бы в тот день он был поражен взрывом, тогда бы по праву считался участником сражений с проклятым Колчаком, а так – нет, не считался. И не мог потом выступать на разных мероприятиях с речами о борьбе с белым адмиралом, как другие односельчане.

Такова была семья Ивана и обстановка, в которой он рос. Свое место в доме было у не только у Ваньки, но и у его отца, и у матери, и у его старшей сестренки, которые все были такие же белокурые, как и Ванька. За эту невероятную беловолосость их семью в Степановке звали Драниками. За это прозвище не стоило обижаться, и Драники обиды не держали. Во-первых, на всю деревню губы обижаться – обижалка сломается. Во-вторых же, знавала Степановка дразнилки и похуже. Так, жила в этой деревне семья по фамилии Гонюковы. Сном-духом не виноватая в таком родовом наименовании, она безмерно страдала от деревенского искажения своей фамилии, которое мы даже произносить не станем, и так понятно, как оно могло звучать. А людьми Гонюковы были хорошими.

… Если вы, уважаемый читатель, полагаете, что повествование о большой любви ушло куда-то в сторону, то ошибаетесь. Наш рассказ идет как надо, а медленно движется, так это потому, что надо подумать, какими путями приходит в сердца любовь - это загадочное и высоко ценимое как простыми людьми, так и писателями чувство. Вплоть до того, что поразмышлять о самом начале, когда люди обрели способность любить – эту высшую и непонятную человеческую способность.

Так, например, автора данного повествования и во младости лет, и в более поздние года беспокоила мысль о чудовищной несправедливости, совершенной на заре времен в отношении первых обитателей рая. Ну, полюбили Адам и Ева друг друга, дело молодое, житейское, так

зачем же было изгонять людей из зеленых и уютных зарослей, грубо говоря, на мороз, не предоставив другого жилья. В наше сильно демократическое время, конечно, тоже бывает всякое, но право на крышу над головой, хоть на самую захудалую, есть у каждого гражданина. Потому что без крыши какая же любовь, какое витье семейного гнезда?!

Наверно, Создатель, как и любой родитель, хотел, чтобы Адам и Ева, эти грешные дети человеческие, сначала прошли путь любви, прежде чем рухнуть в страстных объятиях на мягкую райскую траву. Ведь только любовь, вбирая в себя все, чем живут влюбленные души, сплавляет воедино привычки и предания их семей, воспоминания и надежды, испытанное и увиденное, - и лишь тогда нерасторжимы семейные узы.

… Вот и наш герой Иван к своему двадцатилетию, когда настигла его любовь, имел кое-что для нее накопленное: бесхитростное деревенское сердце, привычку к труду и умение жить в ладу своей родительской семьи. Поэтому заглядывалась на парня не одна только соседская Манька, битая родимой матерью за это нещадно и не один раз. Не то, чтобы мать не доверяла Ивану, но слишком уж рано, на материнский взгляд, проснулось в дочке женское естество.

- Потаскухой растешь, - четко обозначая дочкины устремления, снова и снова бралась вдовица за березовые прутики, била и приговаривала:

- Так вот не будет же этого, не будет, засранка! Сдохну, но не позволю!..

Но бедная мать старалась напрасно – мысли об Иване не покидали бедовую Манькину голову ни на один день, начиная с прошлого лета, когда ее, четырнадцатилетнюю дылду, с прибитой к ноге старой сапожной колодкой, визжащую от нестерпимой боли, Иван принес на руках со свалки в свой дом.

- Это зачем же ты туда полезла, дурочка? – допытывался парень всю дорогу.

Но девчонка, успокоившись на сильных руках молодого соседа, понемногу прекратила выть в полный голос, а вскоре вообще замолчала, положив черноволосую голову на плечо своего спасителя. И хотя жуткая боль в ноге не утихала, а сапожная колодка, прибитая к окровавленной пятке, являла собой вид устрашающий, Маньке это не помешало осознавать, что хочет она сейчас только одного – чтобы нес ее Иван как можно дальше по деревне на руках, и чтобы как можно дольше билось Ванькино сердце под ее локтем…

- Зачем, зачем? – пробурчала она, когда Иван сгрузил неожиданную ношу перед своей матерью, выбежавшей на крыльцо с ковшом воды и чистыми тряпками. – За макотрой полезла, вот зачем! Сижу на заборе, смотрю, а там на куче макотра. И какой дурак почти целую посудину выбросил, ведь в нее еще можно зерно насыпать. Прыгнула, да на колодку и напоролась!

При этих словах она снова заголосила, но вспомнив, как молодой сосед нес ее на руках и крепко держал под коленками, отвлеклась от боли. Воспоминание томило и почему-то раздражало, и неожиданно для себя она прикрикнула:

- Ну чего зенки вылупил! Иди себе, Драник белоголовый, без тебя обойдусь!

На что матушка Ивана, бинтовавшая девчонкину ногу тряпицей, добродушно заметила:

- Ой, Манька, бьет тебя матка, так мало бьет! До чего же ты языкатая растешь, это просто диво! Спасибо бы парню сказала, что на руках тебя приволок, да в свой двор, а не в ваш. Там бы тебе опять по жопе попало…

- Что ты плетешь, тетка Татьяна, - огрызнулась девчонка, - я ж его не просила нести меня к вам, и вообще без него бы обошлась!

… Да вот же не обошлась бедовая головушка без Ивана, без мыслей о нем! До такой степени не обошлась, что напрочь с того дня потеряла покой. А тут еще подружки сказали, что видели Ивана идущим в эстонскую деревню. Да шел он не просто в деревню, а к ихнему ветеринару, у которого трое девок, одна другой краше.

- Корове брюхо в стаде рогом пропороли, вот он и шел, - небрежно бросила Манька сплетнице, - мазь попросить. Я сама при этом была, так что языками не молотите почем зря!

Сказать-то сказала, а сама еле сдержала рыдания и поторопилась уйти в дом, где дала волю и слезам, и горестным стонам.

- Ну, зачем, зачем ты это делаешь, Ванечка мой? – голосила она, как взрослая баба, заставшая мужа на сеновале с разлучницей. – Зачем тебе эти телки нерусские, если я тебя люблю всю свою жизнь! Ой, Ванечка, Ванечка ты мой…

Глава вторая

Наплакавшись вволю, девчонка успокоилась и сама себе поверила, что ходил Иван за мазью для коровы, ни за чем другим. Ну никак, по ее разумению, не мог сосед ходить к эстонкам, имея под боком такую замечательную девку, как она! Правда, она не совсем еще взрослая, всего только шестнадцатый год пошел с весны, но не слепец же ее любимый, должен видеть, как она хорошая стала хозяйка, как ладит с его матерью. Да неужели он не замечает, как трепещет ее сердечко при встрече с ним…

А Иваново сердце тоже трепетало, вот только не от прелестей юной соседки, к которой он относился, как к сестренке. И ходил Иван, на самом деле, к эстонскому ветеринару не за мазью для коровы, хотя, как заделье, эта причина свою роль сыграла. Сердце его давно уже прикипело к младшей ветеринаровой дочери Марии. И старшие девки были хоть куда, а для деревенской жизни подходили даже больше, но поглянулась Ивану Мария – и все дела.

Как и ее старшие сестры, была она с младенческого возраста степенной, рассудительной, хозяйственной. Но в отличие от сестричек, сильных по-мужски, грубоватых, умеющих наравне с парнями делать деревенскую работу, была младшая нежна и легка на ногу, чуть что – заливалась румянцем во все щеки. Ее не портила и легкая полнота, наоборот, придавала женственности и обаяния.

Вот ее-то и заприметило сердце Ивана.

Всем подходила ему юная эстонка. И характером, покладистым и сговорчивым, и милой застенчивостью. Но более всего привлекал тот ее настрой на мирную, ладную и складную семейную жизнь, который один только и способен создать счастливую семью. Ничего не было в этом удивительного: какими были семьи эстонского ветеринара и самого Ивана, так и они сами были настроены жить в свои будущих семейных гнездах.

Время, когда Иван ходил, как говорят в деревне, за своей суженой, выпало на коллективизацию. В отличие от гражданской войны, оставившей на высоком лбу Ивана звездчатую метку от того памятного свадебного взрыва, коллективизация била степановцев не по лбу или по темечку, а прямо по крестьянскому сердцу. Пришлось Ивановой семье добровольно свести на общий двор корову и нетель, овец, свиней, отдать в колхоз большое количество разного земледельческого инвентаря, - в том числе все, что предназначалось на выдел будущей Ивановой семье.

Конечно, отдавать нажитое было жалко, но собственную жизнь было еще жальче. Перед глазами степановцев стоял недавний пример, когда зажиточный мужик, тоже из переселенцев, не захотел добровольно сменяться своим пятистенным домом на хибарку руководителя сельсовета, которого на эту должность выдвинула советская власть за принадлежность к бедняцкому классу. Тот же, недолго думая, вызвал из города подмогу – и пошел непокорный глава семьи по этапу до Красноярска, а оттуда на барже до Игарки. Не выдержало сердце, привычное к вольному воздуху, помер мужик в трюмной тесноте и был выкинут охранниками на стремнину Енисея.

Остальным степановцам хватило вида униженной и разоренной семьи, которая после потери кормильца и дома рада была и бедняцкой хатке-развалюшке.

Не желая повторить такую судьбу, крестьяне приумолкли и пошли в колхоз. Отец Ивана же, крепкий и основательный хозяин, хотя уже в годах, в общем хозяйстве оказался заметной фигурой, к нему прислушивались люди, с его мнением считалось начальство.

Подалась в колхоз и Манькина мать, которой общее ведение хозяйства на первых порах сильно облегчило жизнь. Вслед за матерью-дояркой, закончив школу-семилетку в соседнем селе, пошла в колхоз и наша юная героиня, так и не смирившаяся с выбором Ивана, чувствам которого не помешали никакие политические катаклизмы того времени. И хотя потеря нажитого за многие годы имущества несколько отодвинула сроки его свадьбы с эстонкой Марией, но молодую любовь не ослабила, а в чем-то даже укрепила. Иван и Мария встречались редко, но встречи их были полны нежного трепета от чистых и бережных прикосновений. Это было все, что они могли позволить себе до свадьбы.

И не то, чтобы Иван как-то особенно берег девичество своей любимой, хотя и это было тоже важно. Заставляла его оберегать свою Марию боязнь за ее здоровье. Еще когда парень начинал заглядывать к эстонцам, глава семьи как-то заметил, хмуря брови:

- Выбирай другую. Тебе любую девку отдам, хоть Марту, хоть Линду. Мария, как это по-русски сказать, не деревенская ягода…

- Не деревенского поля ягода, - машинально поправил ветеринара Иван. – Но почему, дядька Эвальд? Мне-то Мария полюбилась. Я ж не просто погулять, я жениться хочу…

Ветеринар грустно сказал:

- Да в том-то и беда, что жениться хочешь. Должен тебя предупредить, парень, что болеет наша Мария…

Иван оторопел:

- Да ты что буровишь, Эвальд Янович? Ничего не замечал за ней плохого! А коли и болеет Мария, то и тогда ты меня не отговоришь, любим мы с ней друг дружку!

- На то только и рассчитываю, что любишь мою дочь. Другому бы сразу отказал, а тебе говорю честно – астма у нее, задыхается она, особенно когда простуда…

Ошарашенный Иван в ту минуту не мог думать ни о какой болезни своей любимой. Все мысли его были только о том, что ее отец передумает и не даст согласия на свадьбу. «А болезнь, ну что болезнь, - лихорадочно думал парень, - вдвоем справимся, всю работу буду делать за нее, стану беречь, вот и будет здоровье в порядке».

После этого разговора Иван стал еще бережнее обращаться со своей невестой, его большая любовь к ней стала как будто еще больше. А сама Мария, от счастья невероятно похорошевшая, с терпеливой уверенностью ждала дня свадьбы. И болезнь как будто пожалела девушку – вроде даже отступила.

Это испытание наши герои выдержали, но судьба готовила им очередную каверзу.

Обезумевшая от горя Манька не давала проходу бедному соседу. Деться тому было некуда, между их огородами не было забора, а разделявшая огороды межа, густо поросшая смородиновыми кустами, не столько разделяла соседские наделы, сколько объединяла их. Не один раз, когда Иван начинал какую-нибудь работу по хозяйству, рядом тут же появлялась Манька. И сущая беда была, когда рядом с Иваном не оказывалось на тот момент его отца, который мог без стеснения отогнать нахалку! Девка буквально сатанела, лезла с разговорами, кокетничала напропалую, иной раз не стеснялась и прямо спрашивала Ивана, на кой черт ему сдалась толстая корова, да еще нерусская.

Иван отбивался как мог, а чаще – бросал работу и уходил в дом. Но не успевал он закрыть за собой дверь, как соседская девчонка была уже тут как тут и начинала разговор с его матерью.

- Мать, - не выдерживал иной раз Иван, - да гони ты эту надсаду! Все уши прожужжала!

- Пусть жужжит, - говорила все понимавшая женщина, - всяко бывает, сынок, может, и Манька пригодится…

Девчонка успокоилась только после разговора с Марией, которую однажды случайно встретила около сельповского магазина. Увидев спокойную и приветливую эстонку, в нарядном фартуке, с длинными золотыми волосами, заплетенными в венец вокруг головы, Манька не выдержала и стала кричать на соперницу:

- Не думай, что ты навеки у меня Ваньку отнимаешь, он все равно будет мой, все равно! А тебе покою не дам вовек жизни, буду до тех пор клясть, пока не сдохнешь! Все равно ты умрешь, а я буду с ним! А тебя он даже и не вспомнит…

Спокойно выслушала Мария безумные речи и так же спокойно ответила:

- Ты права – я недолго проживу. Но даже и после моей смерти тебе с Ваней не бывать. Так и запомни!

… Осенью, как и положено, сыграли свадьбу. Гуляли по русским обычаям, но эстонская родня против не была: по русским, так по русским, в Сибири все переселенцы быстро становились сибиряками, и обычаи были уже общие, сибирские. Явилась на свадьбу и Манька, пела частушки о неверном залеточке, плясала, пила самогонку вровень со взрослыми бабами и навзрыд плакала, когда гости кричали «Горько!», а Ванька крепко целовал невесту. Вот сияет над праздничным столом Иванова отметина на лбу, а вот ее не видно – отвернулся от всех и целует, целует Иван ненавистную эстонку. А гости, пьянь несчастная, снова орут, что им горько.

Не выдержала Манька, подошла к Ивану, унизилась - попросила, чтобы при ней не целовал свою невесту. Сказала, глядя разлучнице в глаза:

- Хотя бы во имя того, что промеж нас было, Ваня!

- А что такое промеж нас было? – спросил изумленный Иван.

- Сам, Ванечка, должен знать, - гордо и горестно произнесла Манька и ушла со свадьбы.

В ту же ночь, не чувствуя на себе ни тела чужого, ни чужих рук и губ, отдалась она женатому мужику, не сумевшему пройти мимо зазывных глаз пьяной насмерть и насмерть же отчаявшейся девки…

Глава третья

А жизнь молодых с первого дня пошла так спокойно и дружно, так слаженно, как будто они прожили вместе уже большой и складный семейный срок. Их осенние вечера тянулись долго, и были теплыми не столько от хорошо протопленной печки, сколько от всего лада молодой семьи, от горячей любви, от устоявшегося с первого дня совместной жизни быта. Молодая жена знала всю крестьянскую работу, а от отца-ветеринара переняла умение лечить домашний скот, и это ее умение сильно пригодилось в новой для нее деревне. К Марии-эстонке шли за советом, с просьбой помочь, она не отказывала никому, с детства понимая, как много значит для сельского жителя здоровая скотина на дворе.

Но времени хватало и на молодую любовь, которую, как всякие чистые люди, они таили от посторонних глаз. Что происходило в дальней комнате родного Иванова дома, не знал никто, на людях свое чувство молодые не показывали, просто выглядели счастливыми и довольными.

Как известно, каждый видит свое в этой жизни, что бы ни происходило. Манька, по-соседски забегавшая к тетке Татьяне, матери Ивана, как ни высматривала на лице ненавистной эстонки следы ночных супружеских поцелуев, их не обнаруживала и успокаивалась. Значит, не так уж сильно любит Иван свою белобрысую, думала она, вот кабы я была его женой, каждое утро вставала бы с постели вся в засосах…

Она, горячая и дерзкая, торопливая и невнимательная, не видела взглядов, которыми иногда, когда на них никто не смотрел, обменивались Иван и Мария. Светилось в этих тайных взглядах откровенное любование друг другом и жгучая память о недавней ночи, проведенной в любовных ласках на честной семейной постели. Но счастье Манькино, что не видела она всего этого, и легко ей поэтому было думать, что обманула Ивана коварная эстонка. Наверно, дал ей отец-коновал приворотную мазь для завлекания чужих парней, да вот и мазь, видно по всему, не помогает!

Хорошенько утвердившись в грешных мыслях о привороте, девка и сама решила прибегнуть к помощи местной колдовки.

Была в Степановке, как и во всякой уважающей себя деревне, такая отчаянная бабенка, взявшая на себя роль не столько гадалки и колдуньи, сколько своеобразного психотерапевта для своих земляков, которых время от времени одолевали разные физические и душевные напасти. Доморощенной колдунье сильно помогало доскональное знание всех событий из жизни односельчан, а дальше предсказывать – уже не было проблем. Как будет да что будет – зачем спрашивать? Будет как у всех, так и у вас, говорила колдовка и не ошибалась никогда.

Вот и Маньку отвела она в баню, пошептала и подымила маленько на бедную девку вынутой из банной печки головешкой, а потом уверенно сказала:

- Суждено тебе, Манька, быть с ним. Не сразу, но будете вы вместе…

Замерев от счастья, едва не упав от волнения с табуретки, девка спросила:

- А когда будем, теточка? Скажи, когда! Ну когда же мы с Ванькой будем вместе?!

- Не торопись, все закончится хорошо, но лучше тебе за него не рваться. Пускай они покуль живут, а ты не вмешивайся, все придет к тебе в свое время…

После этого гаданья Манька настолько осмелела, что при встречах с Иваном ласково и многозначительно улыбалась, а на соперницу смотрела свысока – ведь как бы ни была Мария счастлива со своим Иваном, но будет-то, в конце концов, их общий любимый Манькиным мужем, и с Манькой будет доживать свой век.

Счастье молодой семьи меж тем крепло, и в начале следующего лета выяснилось, что Мария ждет ребенка. Совпало так, что нежданно-негаданно как раз в то лето молодые обрели свой дом, в котором суждено было появиться их детям.

В деревне говорят, что богатым черт детей колышет. Но ведь бывает, что и не черт, а совсем

другие силы помогают. У наших молодых не было богатства, но было такое светлое счастье, такое спокойствие и любовь, что людям невольно хотелось хоть немного побыть рядом с ними, порадоваться, а может, и чем-то помочь. Вот так смотрел на Ивана и Марию старенький деревенский поп, смотрел-смотрел, да и отдал им, когда задумал переезжать в город к дочери, свой дом.

- Живите, - сказал, - может, у вас здесь будет счастье попрочнее, чем было у меня…

Любил батюшка свой дом около церкви, в котором родились и выросли его дети, где много лет был он счастлив простым, ясным счастьем труда и служения людям. Любил высокие березы вокруг дома, любовался видом на речку, каждую весну тихо разливавшую свои воды на берега, отчего летом по ним разливалась трава – мягкие и уютные «гусиные лапки».

Но пришло время – и церковь спалили те же люди, которым он отдал свое сердце, сгорел и дом. Погорелец купил жилье недалеко от дома Ивановых родителей, а когда задумал уезжать в город ко взрослым детям, посоветовался с попадьей и отдал недавнее приобретение Ивану.

В этом доме, испытав нормальные женские муки, родила Мария мальчика, но болезненный ребенок прожил недолго.

Молодые родители свою первую большую беду перенесли стойко, на людях не показали ни рыданий, ни слез, хотя страдали безмерно. И прежде всего – от того, что прекрасный, добрый и нежный мир их семьи не стал миром их дитяти. Мария знала, что на ребенке сказалось ее нездоровье, но по деревне говорили, что бабу сглазили.

С этого момента наши молодые как бы вернулись из своего заоблачного мира в деревенскую жизнь с ее бедами, заботами об урожае на родных огородах, спасавших от голода, с тяжелой работой в двойном объеме – сначала на колхозных полях, а вечерами и даже ночами – на своем участке.

На сентябрьской полной луне однажды копали картошку. Ясная, уже крепко подмораживающая ночь стояла над землей, пахло влажно и сладко, на меже между участками, как всегда, разожгли костер, наложили в алые угли картошки. Отряхивая с рук землю, к костру подошел Иван, помогавший отцу и матери на их огороде. Заметив бывшего соседа, явилась и Манька, скинула платок и распустила волосы, черным волнистым водопадом упавшие на высокую грудь.

- Здравствуй, соседушка, - первой начала она разговор.

Иван, уставший и задумавшийся, вздрогнул.

- Черт тебя носит, Манька, - пробурчал неприветливо.

- Что это ты, миленок, неласковый ко мне? По какой причине грустный? - игриво начала девка. – Все про женушку больную думаешь? Эх, Ваня, Ваня, Драник ты невезучий, уж я-то тебе здорового дитенка сумела бы родить, да вот ты не захотел!

- Подрасти сначала, - буркнул Иван, - а потом и разговаривай.

- Ой, Ваня, Ваня, - подошла поближе озорница, - зря ты так со мной! Никуда ты от меня не денешься, моим все равно будешь!..

- Господи, - простонал Иван, глядя от костра, как завлекательно улыбается ему из темноты настырная девка. - Ну откуда ты взялась на мою голову, дура недоделанная! Мало ли за тобой парней ходит, только пальцем помани любого! Отстань ты уже от меня, добром прошу! Не будет у нас с тобой ничего, даже не мечтай об этом. Не нужна ты мне, вот крест святой, не нужна. Убить тебя, что ли?

Улыбка радости неожиданно осветила Манькино лицо, она захохотала и побежала на свой огород и уже оттуда крикнула:

- Убить не убить, Ванечка, а придет время – и умрем мы вместе, как муж и жена, и под одним холмиком нас похоронят. Потому что суженый ты мой, Ванечка, только ты судьба моя!

… Спустя год у Ивана и Марии умер в родах второй сын, и для молодой семьи начались тяжелые дни. Мария тосковала, плакала, стараясь скрыть слезы от мужа, но глаза выдавали ее муку.

Жизнь между тем становилась полегче, люди приноровились к колхозу, тем более что государство по мере сил помогало новому сельскому укладу. Иван выучился на тракториста, был загружен работой, а Мария все чаще и чаще тосковала в одиночестве.

И все чаще около Ивана стали замечать Маньку, похорошевшую, полную яркой и вызывающей красоты, в самом бабьем соку.

- Ванька, глянь, как мостится девка к тебе, неужли откинешь? Поди, всяко она смачней твоей-то эстонки!

Ивана такие разговоры раздражали, и однажды даже довели мужика до того, что он вынужден был приложить к морде односельчанина, излишне распустившего свой поганый язык, крепкий кулак. Когда посмеивались над ним, он терпел и вяло отбрехивался, но в этом случае была затронута Мария, а такого кощунства он не мог простить никому. Жена не переставала быть для него любимой и желанной, и чем больше страданий падало на их долю, тем крепче любил Иван свою Марию.

Третьи роды были более удачными, на свет появилась девочка, оказавшаяся похожей на мать – такая же беленькая, нежная, светловолосая. По совету стариков, Иван уговорил жену, чтобы она разрешила провести с новорожденной дочкой обряд по старинному деревенскому обычаю, и Мария, которая готова была по капельке кровь свою отдать, чтобы только выжило дитя, согласилась.

Теплым весенним днем, когда изошла шальной водой зима, а земля задышала свободным дыханием, к дому Ивана и Марии подошла старушка с ребенком на руках, закутанным в теплое одеялко, и спросила, не купят ли хозяева новорожденную малышку. Супруги немедленно решили, что, конечно же, приобретут дитя, вот только рублей за пятнадцать, а большей суммы у них нет. Старушка согласилась, передала сверток с ребенком через раскрытое окно – так полагалось, и супруги положили свое драгоценное приобретение на широкую кровать, с которой малышка была взята не более получаса назад.

Верить или не верить деревенским обычаям – конечно, дело каждого. Но девочка осталась жить на белом свете, хотя с момента рождения страдала, как и мать, «задышкой» - астматическим компонентом дыхания.

Как с того момента стали безбрежно счастливы наши супруги! Все у них ладилось и клеилось. Ни скотина не болела, ни огород не подводил, и любовь не спешила уходить, как это порой бывает в семьях молодых по третьему-четвертому году брака. А Ивана вообще обуяла такая немереная сила, что он в одно лето перестроил с помощью родни бывший поповский дом и совсем уже один, сверяясь с указаниями тестя, сложил камин. Он знал, что Мария давно мечтала о нем…

Спустя еще два года, незадолго до большой войны, Мария родила сына, которого на всякий случай супруги снова «купили» через окно. Сыну это тоже помогло, он оказался живучим, а вот Мария, измученная родами, умерла в районной больнице, куда ее привез Иван темной весенней ночью. Как он всю дорогу уговаривал ее не бросать его, как обещал, что все у них будет хорошо, - не послушалась жена, ушла в мир иной.

Беда не одна навестила в тот год семью Ивана: тяжело заболела его мать, отнялись ноги. Поэтому старшую девочку сразу после смерти Марии отдали бабушке-эстонке, а с мальцом сидел сам Иван. Мальчик кричал беспрерывно, как будто понимал свое сиротство, осознавал, что остался без того надежного, теплого и единственного крыла, которое одно и может согреть маленького человека в первые дни и месяцы существования.

На помощь сыну пришел отец Ивана. Когда выбивавшийся из сил парень засыпал, старик носил малыша на руках, укачивал как мог, а жалел до такой степени, что выступали на глазах непрошенные и ненужные слезы, которыми, как сам осознавал, горю не поможешь. Но снова и снова голосил малыш, и ничего не оставалось делать, кроме как качать сироту да плакать. А днем надо было ухаживать за женой, которая, к счастью, уже понемногу стала ходить, пусть и с палочкой. Да и на колхозную работу каждый день звал бригадир, как утро – стучал в окошко.

И до того однажды устал старик от бессонницы, что увидел ночью за окнами невестку – мертвую Марию. Она приникала то к одному окну, то к другому, змеились по груди светлые косы, она вглядывалась пристально в освещенную керосиновой лампой полутьму избы, как будто хотела заглянуть в измученное личико сына и успокоить его.

- Уйди отседова, - прохрипел старик, обращаясь к светлому лицу невестки за темным окном, - иди к себе на кладбище, раз не захотела детей ростить!..

Когда стало светать, отец разбудил Ивана и сказал:

- Вот что, Ванька, не могут больше дети без матери. Пропадешь один с дитями… Искать тебе лучше Маньки соседской некого и нечего. Она давно за тобой бегает, мать говорила, что она твою Польку с рук не спускает, платьев девчонке понашила. Выходит по всему, что

жениться тебе на ней надо…

Старик никогда не рассказал сыну о том, что ночью приходила Мария и что прогнал он ее назад на кладбище, в ее домовину. Попытался, правда, на сороковинах по Марии что-то сказать, но не смог, не нашлось подходящих слов. Да и Манька, помогавшая по-соседски накрывать стол, вертевшаяся как помело и с трудом скрывавшая свою радость, была начеку – как только увидела слезы на глазах старика, сразу увела его в дальнюю комнату и уложила спать. Напоследок предупредила:

- Спите, тятя, а то по пьяной лавочке набрешете чего не надо!

… Вот и сбылось колдовкино гаданье, вот и в самом деле подошло время Манькиного счастья, а рука моя не поднимается написать, что стала девка Ивану женой. Это потому что тяжело писать о реальной жизни и реальных событиях. Если бы эту историю я как автор выдумала от первой строки до последней, то могла бы написать о сложностях любви, понимая, что всякого своего героя надо любить, лелеять и оправдывать. Накрутила бы целый роман, сочинила бы про имеющиеся положительные черты противной Маньки. Вот сказал же отец Ивана, что она дочке Ваниной платьев понашила! Можно было бы написать, каких именно платьев, да где ситчик достала в те бедные годы…

А тут чего крутить: вынужден был мужик взять в дом неприятную и нелюбимую, потому что дети. Это же не город, где можно няньку найти. В селе надо много работать, и все – от мала до велика – работают. Детей воспитывают родные матери, так заведено, а нет матери – надо вдовцу жениться снова.

Так, да не совсем так.

Это правда, вошла Манька в дом Ивана, но только не торопился он сделать ее своей женой. Были этому причины, и самая главная - слишком мало было отведено судьбой времени этой слепленной наспех паре. Наверно, все могло бы сложиться в нескладной семье по-другому в других условиях. Сложилось бы по-умному, по-доброму, если бы дело шло постепенно, если бы присматривались друг к другу не спеша, глядишь - что-нибудь да разглядели. Если бы впереди были годы и годы совместной жизни, которые иной раз так скрепляют людей, что когда в старости один умрет, то и другому хочется на тот свет.

Первые дни после того, как Манька перебралась на житье к Ивану, были заполнены многочисленными хлопотами, кормлением и укачиванием мальчика, которому дали имя Семен, играми и разговорами со старшенькой – Полинкой, которую привезли от эстонской родни.

А ведь надо было еще делать домашнюю работу – подходило время перебирать картошку на еду и на посев, белить дом перед Пасхой, главным деревенским праздником. Хоть церковь и сожгли, а Пасху соблюдали, как и Рождество, и другие православные праздники. Надо было обновлять солому в матрасах, шоркать веником-голиком полы, затоптанные своими и чужими ногами во время недавних печальных событий. И все дела обрушились на девку.

Иван, наработавшись, падал в беспамятстве на самодельный диванчик в прихожей и засыпал, ожидая, что, даст Бог, приснится ему Мария. Надежды сбывались: жена снилась часто, и в снах было все как в жизни – она приходила и обнимала Ивана, даже несколько ночей в этих снах была у них любовь, как обычно бывает у супругов.

Напрасно ожидала его на широкой кровати новая жена – Иван не спешил к ней в объятия. Манька терпела, надеясь, что когда-нибудь опомнится Иван, увидит в ней красивую и желанную молодую бабу. Но долго терпеть было не в ее характере, и однажды Манька, как бы шутя, сказала:

- Я, Ваня, кто в твоем дому нонче – тебе жена или твоим детям нянька? Коли жена, так и ты веди себя, как муж. А коли нянька, то так не договаривались мы с тобой, Ванечка! Я-то ведь еще живая… А то доведешь, помру, как и первая…

С невыразимой мукой в глазах Иван обнял свою нежданную жену за плечи и, уткнувшись в ее черные кудрявые волосы, произнес:

- Прости меня, Маня, совсем я про тебя забыл… Спасибо тебе за детей, здорово ты меня с ними выручила. А я что же… Я исправлюсь. Время мне только дай еще немного, отвыкнуть мне надо.

- Смотри, Драник, - засмеялась Манька, - а то уйду, останешься бобылем с сиротками. А кроме меня, других дур в Стапановке нет, не найдешь нормальную бабу на чужих-то детей!

Между тем время шло, и если не душа Ивана, то его тело смирилось с присутствием

Маньки в супружеской постели, хотя то, что у него было с первой женой, не вернулось никогда. А Манька, проснувшись однажды раньше Ивана и глядя в спину крепко спящего мужа, с горечью осознала, что нет меж ними ничего, о чем она много лет мечтала. А если было бы оно, это настоящее, вымечтанное чувство, без боязни и раздумий привернула бы она мужа к себе, обняла бы сонного, а он пробудился бы и тяжелым своим телом, как счастьем, накрыл бы ее, такую спросонок горячую…

Но нет этого – и не будет! А если что и получалось у них в семейной постели, то не была Манька уверена, что спит он с ней, а не с ушедшей навеки проклятой эстонкой. Обнимает Маньку, а у самого глаза закрыты, чтобы не видеть ее. А кого видит он в эти сладкие мгновения – понятно кого. Вот же гадина, думала молодая жена, уже и на свете нет, а все равно мешает, не дает жить, лежит между нами третьей в постели!

С того дня и стала она срывать на Иване свое отчаяние и раздражение, уже не стесняясь. Тем же отвечал ей и Иван…

А между ними, озлобленными и несчастными, существовали дети – трехлетняя Полька и совсем крошечный Сенечка. Как часто Иван, придя с работы, молча сидел, глядел на малышей и вспоминал, как хотели они с Марией большую семью, как горевали, пережив смерть двух первых детей, и как радовались появлению дочки, сумевшей зацепиться за жизнь. А появления сына, к стыду своему, Иван не сразу и заметил, все в его памяти затянул туман, в котором ушла в мир иной его Мария.

Теперь даже славные белоголовые детишки, похожие и на него, и на покойницу-жену, не радовали Ивана. Тоска по Марии давила так тяжко, что прошли мимо него маленькие родительские радости – и первые дочкины слова, и первые зубки сына, и их первые шаги. К тому же третьим дитем, злым и капризным не в меру, стала для него новая жена, к которой он никак не мог привыкнуть, не умел хотя бы договориться, как им дальше жить, если уж свела судьба их вместе.

А Манька между тем старалась уничтожить все следы соперницы в доме. Она распустила на нитки все покрывала и половики, когда-то изготовленные рукодельной эстонкой. А чего не смогла распустить и смотать на нитки, просто порезала ножницами, а что ножницы не брали – порубила топором.

Каждую минуту она помнила про покойную соперницу, и поэтому гордо улыбалась, когда Поля называла ее мамой, а маленький Сеня тянулся ручками к Манькиным кудрявым волосам. В такие минуты она думала одно: ох, перевернулась бы в гробу их родная мать, если б могла увидеть все это.

Настал день, когда она заставила Ивана разобрать камин, так радовавший когда-то Марию.

- Ну что, может, еще и дом заставишь раскатать по бревнышку? – спросил Иван, когда по Манькиному настоянию разбирал камин.

- И дом бы в распыл пустила, кабы ты ее забыл, - спокойно ответила она.

- За что ж ты ее так? Ведь ничем перед тобой не провинилась, слова против тебя не сказала за всю жизнь. Таких, как она, на свете больше нет, - с тоской в голосе сказал Иван.

- Вот и живи с покойницей, - закричала Манька, - заел ты мою судьбу, дурак несчастный! Все она да она, а от нее, поди, уже и косточек скоро не останется. А я ведь живая, Ваня…

Промолчал на эти слова Иван, не нашелся, что сказать, зато она, доведенная до отчаяния и не умеющая совладать с гневом, взорвалась:

- Чтоб тебя коростой покрыло, Ванька, чтоб тебе не вздохнуть, чтоб тебе места рядом с людями не было, только около покойницы своей!..

Много бранных слов знала молодая женушка, и пока все не выкричала – не остановилась. Терпеливо выслушал Иван Манькины проклятия и одно только сказал в ответ:

- Вот не зря я тебя тогда с помойки принес. Помоешная ты и есть…

Неизвестно чем бы закончилась такая семейная жизнь, скорее всего – понемногу смирились бы супруги. Отступила бы боль от Иванова сердца, разглядел бы в суматошной девке что-то хорошее, ведь и в самом деле стала она матерью его малышам. И она бы смирилась, перестала горячку пороть, убедившись окончательно, что Иван теперь около нее навсегда. Но в немыслимой от сибирской деревни дали уже начинала свою кровавую работу мясорубка

большой войны, и нашим молодым она не оставила времени наладить свои супружеские отношения.

Глава четвертая

Ивана, вместе с другими земляками-однодеревенцами, взяли на фронт в первые недели войны. Вспоминались ему потом проводы, слезы матери и сестры. Как в колхозной конторе женщины накрыли кто чем мог общий стол, как пели песни – не только грустные, но и веселые. Ведь по радио говорили, что враг быстро будет разбит, победа будет наша, и мужики скоро вернутся домой.

Помнил Иван, как выскочила на круг его жена и прокричала под гармонь:

- Дайте, дайте мне наган,
Дайте мне винтовку,
Я миленка застрелю,
Нету с него толку!

Иван видел, как шикали на нее бабы, пытались остановить, одна даже злобно крикнула ей:

- Что ты творишь, проститутки кусок! Он же на войну идет!

Но Манька ни на кого не обращала внимания, заканчивала одну обидную частушку и начинала другую. Она то смеялась, то плакала, и не разобрать было, где смеялся и плакал деревенский самогон, а где страдало ее сердце.

Когда остальные мужики еще прощались со своими домашними, Иван уже сидел на передней подводе в ожидании отправки. Бабы наплакались и нацеловались с уходящими на фронт мужьями, подводы тронулись, и Иван с облегчением понял: тот ад, в котором он жил после смерти Марии, закончился. Он знал, что на войне придется нелегко, что ждут его тяжкие испытания, но ни испытаний, ни даже смерти он не боялся: где-то там, в дальнем, ином мире, была его единственная любовь, и если смерть даст надежду на встречу с ней – значит, пусть будет смерть. Он согласен.

О Маньке он вспоминать не хотел, а дети жили в его памяти отдельно от нее. Это было невероятно, но он сумел вычеркнуть из своих воспоминаний все, что было связано со вторым браком.

… Военное начальство распорядилось отправить эшелон с новобранцами сначала на восток, где, видимо, планировалось упредить удар от японцев, но вскоре этот же эшелон был перенаправлен на запад - военные дела в сорок первом году пошли, как известно, буквально катастрофически. И случилось так, что в Чите, где эшелон встал на станции рядом с литерным скорым поездом, Иван уговорил тамошнего проводника опустить на станции письмо родным в деревню. Скорый на то был и скорый, что шел не в пример воинскому эшелону стремительно, и повезло письму: дошло оно до родной деревни, сообщило, что будет вскорости Иванов эшелон проходить мимо райцентра.

Решил было поехать караулить эшелон на станции сам отец Ивана, но с уборочной страды его не отпустили, и тогда было решено, что в райцентр на станцию поедет Вера, старшая Иванова сестра. Не одна поедет, собрались еще деревенские женщины поджидать эшелон. Маньке ничего не сказали – пожалели Ивана, несдержанная на язык бабенка могла наговорить такого, что мужику после этого хоть делай петлю из солдатского ремня.

Правильным было такое решение или сильно опрометчивым, показала впоследствии жизнь, да таким страшным образом показала, какого никто не ожидал, даже зная заполошный характер Маньки.

Сентябрьским ранним утром, еще когда не разошелся туман, перед выходом на работу она как всегда принесла детишек к Ивановой матери. И как всегда, спросила:

- От Ивана вам было что-нибудь?

Знала, что после ее выходки на проводах вряд ли даст муж о себе весточку, а все равно надеялась и ждала.

- Нет ничего от Ваньки, - пряча глаза, ответила свекровь.

- Как ты думаешь, теточка, почему он молчит? Ну, про меня не хочет слышать, это понятно. А как же дети? Они же ничем перед ним не провинились…

Неожиданно упав на колени перед старой женщиной, она уткнулась ей в подол и горько заплакала:

- Это я виновата, я! Как же так получилось на проводах, и сама не знаю. Люблю же я его, теточка, больше жизни своей люблю! Я ж хотела, чтобы он меня полюбил, увидел, что я его деточкам стараюсь быть как мать…

- Ты погоди маленько, - сжалилась над ней старуха, - вот Верка наша скоро от него вести привезет, уж три дня как уехала. Сообщил Ванька-то, что мимо будет ехать, наказал, чтоб на станции ждали. Интересуется, как дети, как ты сама тут с ними…

- Правда, теточка, не брешете? – обрадовалась Манька, засияла заплаканными глазами. – Да я потом ему все отпишу, и про детей все расскажу, и про себя, раз про меня тоже спрашивает. Конечно, теточка, он же понял, каково мне с детями одной, и на работу надо ходить, вон уже и в ваше окошко бригадир, зараза, стучит, и тут меня нашел. Картошку сегодня докапываем…

Она поднялась с пола, подхватила Польку и закружила ее вокруг себя.

- Папка нас не забыл, не забыл, папка нам привет скоро пришлет!

Расцеловала девочку, поставила ее на ноги перед свекровью и вихрем унеслась на работу. Люди потом говорили, что была она в тот день радостная, работа у нее так и горела в руках. Картошку закончили быстро и перешли на зерноток. А там уж она разошлась вовсю - шутила и сама громче всех смеялась, пела одну частушку за другой, и все веселые! Да рассказывала, что вот-вот будут вести от Ивана.

Но Верка приехала вся в слезах, несчастная и виноватая. Оказалось, что, прождав трое бессонных суток на вокзале в ожидании эшелона, на четвертый день она заснула и не слышала ничего - ни как пришел эшелон, гремя колесами и задымив все пространство вокруг вокзала, ни как напрасно искал на перроне кого-нибудь из родных растерянный Иван. Она проснулась только тогда, когда со слезами и стенаниями вернулись в здание вокзала бабы, встретившие и проводившие своих солдат.

Полчаса стоял воинский поезд на этой станции – и полчаса крепко спала на вокзальной лавке, во внезапно наступившей тишине уставшая как собака Верка…

- Ну, зато выспалась, золовушка! – зло бросила провинившейся бабе в лицо Манька, когда на следующее утро снова привела детей к старикам. – Лучше бы мне сказали ехать, уж я бы не задрыхла, как медведица в берлоге!

Не дожидаясь Веркиных оправданий, она выскочила из избы, так саданув дверью, что заплакал маленький Сеня. Только сейчас до нее стала доходить вся огромность ее потери. Только сейчас она каким-то запредельным чутьем поняла, что никогда, никогда больше не суждено ей увидеть Ивана, единственного человека, которого любила больше жизни, любила с детских лет и вплоть до этого черного дня.

Она не пошла на работу, а когда бригадир уже в который раз стал колотить кнутом в окошко, наказывая идти на ток, послала его куда подальше, чему тот нисколько не удивился: от этой бесстыдницы и самовольщицы ничего хорошего ждать не приходилось.

Огромное горе, беспредельное одиночество, злоба на придурковатых родственников Ивана, жаркая и горькая обида на него самого сделали из заполошной, хотя в общем-то неплохой, обыкновенной деревенской девахи чудовище. Дальше ее вело безумие…

Она долго металась по дому, чистому и ухоженному ее руками, но в котором ей не суждено было изведать счастье – все оно досталось покойной сопернице и Ивану, который не захотел ни привета ей прислать, ни позвать на встречу. Страшное решение созрело само собой: Ваня мой, Ваня, не захотел ты меня, так не будет у тебя ни меня, ни детей!

Она сбегала за малышами, заботливо укутала их от осеннего холода, как будто

это было важно – чтобы встретили они общую с ней горькую участь здоровенькими, без простуды. Принесла их домой, раскутала и посадила играть.

Сама же торопливо, боясь, что передумает, задыхаясь от злобы и ужаса того, что затеяла, накидала в угол тряпье и подожгла. Хотела было закрыть дверь изнутри на щеколду, но передумала, знала, что не выйдет из горящего дома, ей хватит силы, и детям не даст выползти из пламени. Она подхватила их на руки и, шепча в безумии слова проклятий, крепко прижала к себе.

- Деточки мои, деточки, не захотел пожалеть нас папка, уехал, бросил, и мы его бросим. Приедет он с войны, а нас нету! Не любил он нас, он только покойницу свою любил, вот и мы будем покойники. Может, он хоть тогда нас полюбит! Люби нас, Ванечка, мертвенькими, мы ж тебе живые не нужны!

… На счастье детей и самой Маньки, люди огонь заметили сразу, сбежались и затушили разгоравшийся пожар.

Отрезвление ее было ужасающим: детей у нее отобрали, на фронт Ивану, когда он прислал первое письмо с фронта, отписали о содеянном его женой. Старики каялись перед сыном, принимая на себя часть вины за его неудачный брак.

Но это письмо Иван прочитать не успел: в те же дни пришла на него похоронная бумага. А иначе легла бы на его сердце новая тягость, а может, и наоборот – увидел бы, наконец, до какого сумасшествия любила его соседская девчонка, как готова была ради его любви принять страшный грех.

Дура была молодая, мало что знала, в жизни и в любви не разбиралась. Не знала, как предупреждали умные люди в одной мудрой книге, что «крепка, как смерть, любовь, и стрелы ее – стрелы огненные». Увезли новоявленную мстительницу, бабу ополоумевшую, в район. Может, посадили, может, лечили – судьба ее сельчанам осталась неизвестной.

А дети выросли, обзавелись семьями. Понятно, что давно это было, и уже ушел из жизни Семен, а Полина жива, давно уже прабабушка. От матери к ней передалась астма, но сейчас лекарств много, и с этой страшной болезнью люди могут жить долго.

Но самое главное – от Марии всем ее потомкам передались доброта, умение жить в ладу с людьми, рукодельное мастерство. А от Иванова корня досталось им прозвище Драники.

Драники да Драники. В деревне знают, как прозвища давать, зря не приклеют. Эту семью прозвали так, потому что светленькие, как драники из молодой картошки. Да и вообще – хорошие люди.